

Николай Некрасов

Коробейники¹

¹ Впервые: Современник. 1861. № 10.

Посвящая поэму другу-приятелю, костромскому крестьянину, Некрасов специально подчеркивал свою ориентацию на читателя из народа. По той же причине он опубликовал поэму в дешевом издании «Красные книжки. Книжка первая. Коробейники. Сочинил и издал Некрасов. Спб., 1862» и распространял ее в селах и деревнях с помощью коробейников, офень и мстерского книготорговца И. А. Голышева, которому 2 марта 1862 года сообщал: «Посылаю Вам 1500 экземпляров моих стихотворений, предназначенных для народа. На обороте каждой книжечки выставлена цена – 3 копейки за экземпляр, – потому я желал бы, чтобы книжечки не продавались дороже: чтобы из 3-х копеек одна поступала в Вашу пользу и две в пользу офеней (продавцов), – таким образом, книжечка и выйдет в три копейки, не дороже. После Пасхи я пришлю Вам еще и другие, о которых мы тогда и поговорим». Поэт действительно прислал второй выпуск «Красных книжек», куда входили стихи «Забывтая деревня», «Школьник» и др. Но на этом, втором, выпуске издание Некрасова было запрещено цензурой.

Критика, особенно революционно-демократическая, выделила в поэме «Песню убогого странника». На нее обращали внимание А. И. Герцен в «Колоколе», Н. Г. Чернышевский в статье «Не начало ли перемены». Д. И. Писарев в «Физиологических картинах» писал:

«Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименькой, голодно! –

отвечают прохожему в «Коробейниках» Некрасова луга, звери и мужики, у которых этот прохожий спрашивает причину их бедствий и горестей. Этот страшный по своей простоте ответ сменяется другим ответом, не менее выразительным:

Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименькой, холодно.

И в этих двух ответах сказано столько, сколько не выскажешь десятью поэмами.

Голод и холод! Этими двумя простыми причинами объясняются все действительные страдания человечества, все тревоги его исторической жизни, все преступления отдельных лиц, вся безнравственность общественных отношений». (Писарев Д. И. Полн. собр. соч.: В 6 т. Спб., 1909. Т. 2. С. 364–365.)

«Дух захватывает от этой страшной, громадной силы! – писал В. Крестовский. – А между тем что может быть безыскусственнее и проще этой песни. Но простотой-то она и сильна. Это великая и грозная своим величием простота. Она вылилась непосредственно из души как один вопль нашей всеобщей, великой скорби». (Русское слово. 1861. № 12. С. 66–67.)

Поэма написана в имении Некрасова Грешнево в августе 1861 года. Сюжет об убийстве коробейников подсказал Некрасову Гаврила Яковлевич Захаров. По преданию, «однажды на охоте с Гаврилой Некрасов убил бекаса, а Гаврила в тот же момент – другого, так что Некрасов не слышал выстрела. Собака, к его удивлению, принесла ему обоих бекасов. „Как, – спрашивает он Гаврилу, – стрелял я в одного, а убил двух?“ По этому поводу Гаврила рассказал ему о двух других бекасах, которые попали одному охотнику под заряд. Этот случай дал повод для рассказа об убийстве коробейников, которое произошло в Мисковской волости.

Два бекаса нынче славные
Мне попались под заряд!

Другие подробности, например о Катеринушке, которой приходилось

Парня ждать до Покрова... –

основаны на рассказах Матрены, жены Гаврилы, которая так же сидела в одиночестве, как и Катеринушка». (Костромской листок. 1902. № 140.)

Реальную историю убийства коробейников рассказал некрасоведу А. Попову сын Гаврилы Яковлевича: «Охотник этот был Давыд Петров из деревни Сухоруковой. Он встретил в своей деревне коробейников, направлявшихся напрямик через болота в село Закобякино Ярославской губернии, „надумал“ их убить, чтобы забрать деньги, и проследил в лесу. Коробейники поняли, что не к добру оказался среди них как будто недавно виденный человек с ружьем, и просили оставить их. Когда Давыд убивал, то пастушок слышал выстрелы и крики. После убийства Давыд затащил одного убитого на дерево, другого спрятал под корни». (Ярославский альманах. Ярославль, 1941. С. 195.)

*Другу-приятелю
ГАВРИЛЕ ЯКОВЛЕВИЧУ (крестьянину деревни Шоды
Костромской губернии)*

Как с тобою я похаживал
По болотинам вдвоем,
Ты меня почасту спрашивал:
Что строчишь карандашом?

Почитай-ка! Не прославиться,
Угодить тебе хочу.
Буду рад, коли понравится,
Не понравится – смолчу.

Не побрезгуй на подарочке!
А увидимся опять,

Костромской историк-краевед В. Н. Бочков обнаружил, что в ревизских сказках (списках) за 1858 год «деревни Сухорукова той же, что и Шода, Андреевской казенной волости, значится Давыд Петров, 35 лет, имевший жену Настасью Лукьяновну, старше его, и четырех малолетних детей. А дальше указано, что он не обычный крестьянин, а подкидыш во дворе Петра Васильева. Положение подкидыша в старообрядческой деревне было вдвойне тяжело – они являлись париями, отщепенцами. В детстве Давыд, верно, натерпелся и наголодался. „Ростом мал и с виду слаб“, – охарактеризовал его поэт со слов Гаврилы. „Мужичонка негодный“, – сказал о нем Иван Гаврилыч. Подкидышам не положен земельный надел, пришлось идти в лесники, содержать большую семью на грошовое жалованье. Из таких, как Давыд, и формировались ущербные типы, готовые на все, дабы „выбиться в люди“. Преступление он готовит обдуманно и, спокойно убив коробейников, не мучится угрызениями совести, а, наоборот, похваляется». (Бочков В. «Скажи, которая Татьяна?» Образы и прототипы в русской литературе. М., 1990. С. 156.)

Поэма Некрасова «Коробейники» стала очень популярной в народной среде. Первая часть ее превратилась в народную песню. «Одной этой поэмы, – писал в 1862 году Аполлон Григорьев, – было бы достаточно, чтобы убедить каждого, насколько Некрасов поэт почвы, поэт народный». (Время. 1862. № 7. С. 42.)

Выпьем мы по доброй чарочке
И отправимся стрелять.

23-го августа 1861

Н. Некрасов

Грешнево

I

Кумачу я не хочу,
Китайки не надо²

Песня

«Ой, полна, полна коробушка,
Есть и ситцы и парча.
Пожалей, моя зазнобушка,
Молодецкого плеча!
Выди, выди в рожь высокую!
Там до ночки погожу,
А завижу черноокою –
Все товары разложу.
Цены сам платил немалые,
Не торгуйся, не скупись:
Подставляй-ка губы алые,
Ближе к милому садись!»

Вот и пала ночь туманная,
Ждет удалый молодец.
Чу, идет! – пришла желанная,
Продает товар купец.
Катя бережно торгуется³,
Всё боится передать.
Парень с девицей целуется,
Просит цену набавлять.
Знает только ночь глубокая,
Как поладили они.
Распрямись ты, рожь высокая,
Тайну свято сохрани!

² *Кумачу я не хочу. Китайки не надо...* – цитата из народной песни «Во саду ли в огороде». *Кумач* – хлопчатобумажная ткань алого цвета. *Китайка* – гладкая бумажная ткань желтого цвета, первоначально вывозилась из Китая.

³ *Катя бережно торгуется...* – В свадебных народных песнях «торговаться» со стороны невесты означало: знать себе цену, сохранять девичью гордость, чувство собственного достоинства.

«Ой! легка, легка коробушка,
Плеч не режет ремешок!
А всего взяла зазнобушка
Бирюзовый перстенок.
Дал ей ситцу штуку целую⁴,
Ленту алую для кос,
Поясок – рубаху белую
Подпоясать в сенокос –
Всё поклала ненаглядная
В короб, кроме перстенька:
„Не хочу ходить нарядная
Без сердечного дружка!“
То-то дуры вы, молодочки!
Не сама ли принесла
Полуштофик сладкой водочки?
А подарков не взяла!
Так постой же! Нерушимое
Обещаньице даю:
У отца дитя любимое!
Ты попомни речь мою:
Опорожнится коробушка,
На Покров домой приду⁵
И тебя, душа-зазнобушка,
В Божью церковь поведу!»

Вплоть до вечера дождливого
Молодец бежит бегом
И товарища ворчливого
Нагоняет под селом.
Старый Тихоныч ругается:
«Я уж думал, ты пропал!»
Ванька только ухмыляется –
Я-де ситцы продавал!

II

Зачали-почали
Поповы дочери.

Припев деревенских торгашей

⁴ Дал ей ситцу штуку целую... – целый рулон фабричной ткани.

⁵ На Покров домой приду. – Покров Пресвятой Богородицы – христианский праздник, отмечающийся 14 октября. К Покрову дню завершалась уборка урожая и начиналось в крестьянском быту веселое время свадеб.

«Эй, Федорушки! Варварушки!
Отпирайте сундуки!
Выходите к нам, сударушки,
Выносите пятаки!»

Жены мужние – молодушки
К коробейникам идут,
Красны девушки-лебедушки
Новины свои несут⁶.
И старушки вожеватые⁷,
Глядь, туда же приплелись.
«Ситцы есть у нас богатые,
Есть миткаль, кумач и плис⁸.
Есть у нас мылá пахучие –
По две гривны за кусок,
Есть румяна нелинючие –
Молодись за пятачок!
Видишь, камни самоцветные
В перстеньке как жар горят.
Есть и любчики⁹ заветные –
Хоть кого приворожат!»

Начались толки рьяные,
Посреди села базар,
Бабы ходят словно пьяные,
Друг у дружки рвут товар.
Старый Тихоныч так божится
Из-за каждого гроша,
Что Ванюха только ежится:
«Пропади моя душа!
Чтоб тотчас же очи лопнули,
Чтобы с места мне не встать,
Провались я!..» Глядь – и хлопнули
По рукам! Ну, исполать¹⁰!
Не торговец – удивление!
Как божиться-то не лень...

⁶ *Новины свои несут.* – *Новины* – холсты домашнего производства.

⁷ *И старушки вожеватые.* – *Вожеватые* – обходительные, приветливые, учтивые.

⁸ *Есть кумач, миткаль и плис.* – *Миткаль* – ситец. *Плис* – хлопчатобумажный бархат.

⁹ *Любчики* – деревенские талисманы, имеющие, по понятиям простолюдинок, привораживающую силу.

¹⁰ *Ну, исполать!* – слава, хвала.

Долго, долго всё селение
Волновалось в этот день.
Где гроши какие медные
Были спрятаны в мотках,
Всё достали бабы бедные,
Ходят в новеньких платках.
Две снохи за ленту пеструю
Расцарапались в кровь.
На Феклушку, бабу вострую,
Раскудахталась свекровь.
А потом и коробейников
Поругала баба всласть:
«Принесло же вас, мошейников!
Вот уж подлинно напасть!
Вишь вы жадны, как кутейники¹¹,
Из села бы вас колом!..»

Посмеялись коробейники
И пошли своим путем.

III

Уж ты пей до дна, коли хошь добра.
А не хошь добра, так не пей до дна.

Старинная былина

За селом остановились,
Поделили барыши
И на церковь покрестились,
Повздыхали от души.
«Славно, дядя, ты торгуешься!
Что не весел? ох да ох!»
– В день теперя не отплёбешься,
Как еще прощает Бог:
Осквернил уста я ложию –
Не обманешь – не продашь! –
И опять на церковь Божию
Долго крестится торгаш. –
Кабы в строку приходились
Все-то речи продавца,
Все давно бы провалились
До единого купца –

¹¹ Вишь вы жадны, как кутейники. – Кутейниками в народе звали лиц духовного сословия.

Сквозь сырую землю-матушку
Провалились бы... эх-эх! –
«Понагрел ты Калистратушку».
– Ну, его нагреть не грех,
Сам снимает крест с убогого. –
«Рыжий, клином борода».
– Нашим делом нынче многого
Не добыть – не те года!
Подошла война проклятая,
Да и больно уж лиха,
Где бы свадьба богатая –
Цоп в солдаты жениха!
Царь дурит – народу горюшко!
Точит русскую казну,
Красит кровью Черно морюшко,
Корабли валит ко дну.
Перевод свинцу да олову,
Да удалым молодцам.
Весь народ повесил голову,
Стон стоит по деревням.
Ой! бабье неугомонное¹²,
Полно взапуски реветь!
Причитанье похоронное
Над живым-то рано петь!
Не уймешь их! Как отпетого
Парня в город отвезут.
Бабы сохнут с горя с этого,
Мужики в кабаки идут.
Ты попомни цаловальника¹³,
Что сказал – подлец седой!
«Выше нет меня начальника,
Весь народ – работник мой!
Лето, осень убиваются,
А спроси-ка, на кого
Православные стараются?
Им не нужно ничего!
Всё бессребреники, сватушка,
Сам не сею и не жну,
Что родит земля им, матушка,
Всё несут в мою казну!»

– Пропилися, подоконники,

¹² *Царь дурит – народу горюшко! (...)* Ой! бабье неугомонное... – Некрасов здесь использует мотивы рекрутских плачей в старообрядческих вариантах, наиболее резких по отношению к официальным властям: «Из-за кого ты воевать пошел, ладо милое? Уж власти все безбожные... Уж взяла бы я в праву рученьку Саблю вострую И срубил бы я буйны головы Начальникам». (Труды костромского научного общества по изучению местного края. 1920. Вып. 15. С. 3.)

¹³ *Ты попомни цаловальника...* – Цаловальник – продавец вина в питейном заведении, содержатель кабака.

Где уж баб им наряжать!
В город едут, балахонники,
Ходят лапти занимать!

Ой! ты, зелие кабашное,
Да китайские чаи,
Да курение табашное!
Бродим сами не свои.
С этим пьянством да курением
Сломишь голову как раз¹⁴.
Перед светопреставлением,
Знать, война-то началась.
Грянут, грянут гласы трубные¹⁵!
Станут мертвые вставать!
За дела-то душегубные
Как придется отвечать?
Вот и мы гневим Всевышнего... –
«Полно, дядя! Страшно мне!
Уж не взять рублишка лишнего
На чужой-то стороне?...»

IV

Ай барыня! барыня!

Песня

«Эй вы, купчики-голубчики,
К нам ступайте ночевать!»
Ночевали наши купчики,
Утром тронулись опять.

¹⁴ *Ой! ты, зелие кабашное (...)* Сломишь голову как раз. – Старообрядцы Костромского края, по свидетельству местных этнографов, «не употребляли ничего хмельного, ни вина, ни пива, не пили чаю и почему-то не ели картофелю». Курение табака они считали «за тяжкий грех, так как эта трава выросла из трупа какой-то блудницы. Поэтому более набожные из них, если случится кому курить табак в их избе, целых трое суток после того беспрестанно курят ладаном, а если где упало несколько крошек его, то те же трое суток скоблят и моют то место, чтобы не только табак, но и самый „дух“ табачный выгнать из дому». «Табашников на том свете, говорят, заставят в гору бревно катить. Вот они катят-катят, прокатят уже половину – им закричат: „Табашники, к рогу!“ (то есть табак курить – прежде табак держали в рогах, как теперь держат порох в некоторых местах). Отпустят они бревно, а потом опять приходится начинать работу».

¹⁵ *Грянут, грянут гласы трубные...* – Старообрядцы были проникнуты ожиданием скорого Второго пришествия Иисуса Христа, гибели этой грешной земли и неба, воскресения всех умерших и Страшного суда, поскольку они видели в современных правителях осуществившееся царство антихриста, которое, по Апокалипсису (завершающей Новый Завет богодухновенной книге), наступит именно в «последние времена» перед «светопреставлением».

Полегоньку подвигаются,
Накопляют барыши,
Чем попало развлекаются
По дороге торгаши.
По реке идут – с бурлаками
Разговоры заведут:
«Кто вас спутал?»¹⁶ – и собаками
Их бурлаки назовут.
Поделом вам, пересмешники,
Лыком шитые купцы!..

Потянулись огурешники¹⁷:
«Эй! просыпал огурцы!»
Ванька вдруг как захихикает
И на стадо показал:
Старичонко в стаде прыгает
За савраской, – длинен, вял,
И на цыпочки становится,
И лукошечком манит –
Нет! проклятый конь не ловится!
Вот подходит, вот стоит.
Сунул голову в лукошечко –
Старичок за холку хватить!
«Эй! еще, еще немножечко!»
Нет! урвался конь опять
И, подбросив ноги задние,
Брызнул грязью в старика.
«Знамо, в стаде-то поваднее,
Чем в косуле мужика¹⁸.
Эх ты, пареной да вяленой!
Где тебе его поймать?
Потерял сапог-то валеной,
Надо новый покупать?»
Им обозики военные
Попадались иногда:
«Погляди-тко, турки пленные,
Эка пестрая орда!»
Ванька искоса поглядывал
На турецких усачей
И в свиное ухо складывал
Полы свиточки своей¹⁹:

¹⁶ Общеизвестная народная шутка над бурлаками, которая спокон веку приводит их в негодование.

¹⁷ *Потянулись огурешники...* – *Огурешниками* называли жителей Ростовского уезда Ярославской губернии, искони занимавшихся огородным промыслом, мастеров на всю Россию по выращиванию огурцов и других огородных культур. На втором месте за ними шли огуречники галичские, выращивавшие огурцы на берегу озера в городе Галиче Костромской губернии.

¹⁸ *Чем в косуле мужика...* – *Косуля* – соха или легкий плуг с одним лемехом.

«Эй вы, нехристи, табашники,
Карачун приходит вам!..»

Попадались им собашники:
Псы носились по кустам,
А охотничек покрикивал,
В роги звонкие трубил,
Чтобы серый зайка спрыгивал,
В чисто поле выходил.
Остановятся с ребятами:
«Чьи такие господа?»
– Кашпирята с Зюзенятами²⁰²¹... –
«Заяц! вон гляди туда!»
Всполошились борзители²²:
– Ай! ату его! ату! –
Ну собачки! Ну губители!
Подхватили на лету...

Посидели на пригорочке,
Закусили как-нибудь
(Не разъесться черствой корочки)
И опять пустились в путь.
«Счастье, Тихоныч, неровное,
Нынче выручка плоха».
– Встрелось нам лицо духовное –
Хуже не было б греха²³.
Хоть душа-то христианская,
Согрешил – поджал я хвост. –
«Вот усадьбишка дворянская,
Завернем?» – «Ты, Ваня, прост!
Нынче баре деревенские
Не живут по деревням,
И такие моды женские
Завелись... куда уж нам!
Хоть бы наша: баба старая,
Уграватая лицом,

¹⁹ *И в свиное ухо складывал Полы свиточки своей* – народная насмешка над мусульманами, которым запрещается употреблять в пищу свиное мясо.

²⁰ Кашпировы, Зюзины. Крестьяне, беседуя *между собою* об известных предметах и лицах, редко употребляют иную форму выражения.

²¹ *Кашпирята с Зюзенятами...* – *Кашпировы* – ярославские помещики. *Зюзины* – помещики костромские.

²² *Всполошились борзители.* – *Борзители* – охотники с борзыми собаками.

²³ *Встрелось нам лицо духовное – Хуже не было б греха...* – По народным поверьям, идущим, по-видимому, из старообрядческих кругов, отрицательно относившихся к церковнослужителям-никонианам, встреча с духовным лицом сулит несчастье.

Безволосая, поджарая,
А оделась – стог стогом!
Говорить с тобой гнушается:
Ты мужик, так ты нечист!
А тобой-то кто прельщается?
Долог хвост, да не пушист!
Ой! ты, барыня спесивая²⁴,
Ты стыдись глядеть на свет!
У тебя коса фальшивая,
Ни зубов, ни груди нет,
Всё подклеено, подвязано!
Город есть такой: Париж,
Про него недаром сказано:
Как заедешь – угоришь.
По всему по свету славится,
Мастер по миру пустить;
Коли нос тебе не нравится,
Могут новый наклеить!
Вот от этих-то мошейников,
Что в том городе живут,
Ничего у коробейников
Нынче баре не берут.
Черт побрал бы моду новую!
А, бывало, в старину
Приведут меня в столовую,
Все товары разверну;
Выдет барыня красивая,
С настоящей косой,
Вожеватая, учтивая,
Детки выбегут гурьбой,
Девки горничные, нянюшки,
Слуги высыплют к дверям.
На рубашечки для Ванюшки
И на платья дочерям
Всё сама руками белыми
Отбирает не спеша,
И берет кусками целыми –
Вот так барыня-душа!
«Что возьмешь за серьги с бусами?
Что за алую парчу?»
Я тряхну кудрями русыми,
Заломлю – чего хочу!
Навалит покупки кучею,
Разочтется – Бог с тобой!..

²⁴ *Ой! ты, барыня спесивая...* – Здесь и далее Некрасов использует в поэме прибаутки офеней и раешников: «А это вот город Париж, не доедешь – угоришь», «А это вот Летний сад – там девушки гуляют в шубках – в юбках, в тряпках-шляпках, зеленых подкладках. Юбки на ватках, пукли фальшивы, а девицы плешивы». (Максимов С. В. Собр. соч.: В 20 т. Спб., 1909. Т. 1. С. 155.)

А то раз попал я к случаю
За рекой за Костромой.
Именины были званые –
Расходился баринок!
Слышу, кличут гости пьяные:
«Подходи сюда, дружок!»
Подбегаю к ним скорехонько.
«Что возьмешь за короб весь?»
Усмехнулся я легохонько:
– Дорог будет, ваша честь. –
Слово за слово, приятели
Посмеялись меж собой
Да три сотни и отпятили,
Не глядя, за короб мой.
Уж тогда товары вынули
Да в девичий хоровод
Среди двора и кинули:
«Подбирай, честной народ!»
Закипела свалка знатная.
Вот так были господа:
«Угодил домой обратно я
На девятый день тогда!»

V

– Много ли верст до Гоголина?
– Да обходами три, а прямо-то шесть.
Крестьянская шутка

Хорошо было детинушке
Сыпать ласковы слова,
Да трудненько Катеринушке
Парня ждать до Покрова.
Часто в ночку одинокую
Девка часу не спала,
А как жала рожь высокую,
Слезы в три ручья лила!
Извелась бы неутешная,
Кабы время горевать,
Да пора страдная, спешная –
Надо десять дел кончать.
Как ни часто приходилося
Молодице невтерпеж,
Под косой трава валилася,
Под серпом горела рожь.
Изо всей-то силы-моченьки
Молотила по утрам,
Лен стлала до темной ноченьки

По росистым по лугам.
Стелет лен, а неотвязная
Дума на сердце лежит:
«Как другая девка красная
Молодца приворожит?
Как изменит? как засватает
На чужой на стороне?»
И у девки сердце падает:
«Ты женись, женись на мне!
Ни тебе, ни свекру-батюшке
Николи не согрублю,
От свекрови, твоей матушки,
Слово всякое стерплю.
Не дворянка, не купчиха я,
Да и нравом-то смирна,
Буду я невестка тихая,
Работящая жена.
Ты не нудь себя работою,
Силы мне не занимать,
Я за милого с охотою
Буду пашенку пахать.
Ты живи себе гуляючи
За работницей женой,
По базарам разъезжаючи,
Веселися, песни пой!
А вернешься с торгу пьяненькой –
Накормлю и уложу!
„Спи, пригожий, спи, румяненькой!“ –
Больше слова не скажу.
Видит Бог, не осердилась бы!
Обрядила бы коня,
Да к тебе и подвалилась бы:
«Поцалуй, дружок, меня!..»
Думы девичьи заветные,
Где вас все-то угадать?
Легче камни самоцветные
На дне моря сосчитать.
Уж овечка опушается,
Чуя близость холодов,
Катя пуще разгорается...
Вот и праздничек Покров!

«Ой! пуста, пуста коробушка,
Полон денег кошелек.
Жди-пожди, душа-ззнобушка,
Не обманет мил-дружок!»
Весел Ванька. Припеваючи,
Прямиком домой идет.
Старый Тихоныч, зеваючи,
То и дело крестит рот.
В эту ночку не уснулося

Ни минуточки ему.
Как мошна-то пораздулася,
Так Бог знает почему
Всё такие мысли страшные
Забираются в башку.
Прощельги ли кабашные
Подзывают к кабаку,
Попадутся ли солдатики –
Коробейник сам не свой:
«Проходите с Богом, братики!» –
И ударится рысцой.
Словно пятки-то иголками
Понатыканы – бежит.

В Кострому идут проселками,
По болоту путь лежит,
То кочажником, то бродами²⁵.
– Эх! пословица-то есть:
Коли три версты обходами,
Прямыми будет шесть²⁶!
Да в Трубе, в селе, мошейники
Сбили с толку, мужики:
«Вы подите, коробейники,
В Кострому-то напрямки:
Верных сорок с половиною
По нагорной стороне,
А болотной-то тропиною
Двадцать восемь». Вот оне!
Черт попутал – мы поверили,
А кто версты тут считал? –
«Бабы их клюкою меряли, –
Ванька с важностью сказал. –
Не ругайся! Сам я слыхивал,
Тут дорога попрямей».
– Дьявол, что ли, понапихивал
Этих кочек да корней?
Доведись пора вечерняя,
Не дойдешь – сойдешь с ума!
Хороша наша губерния,
Славен город Кострома,
Да леса, леса дремучие,
Да болота к ней ведут,
Да пески, пески сыпучие... –
«Стой-ка, дядя, чу, идут!»

²⁵ *То кочажником, то бродами...* – *Кочажник* – кочки на моховом болоте. *Броды* – высокие места в топях, по которым идут болотные тропины.

²⁶ *Коли три версты обходами, Прямыми будет шесть!* – Ср. народную пословицу: «Меряла старуха клюкой, да махнула рукой» – о проселочной петляющей дороге.

VI

Только молодец и жив бывал.

Старинная былина

Не тростник высок колыхается,
Не дубровушки шумят,
Молодецкий посвист слышится,
Под ногой сучки трещат.
Показался пес в ошейничке.
Вот и добрый молодец:
«Путь-дорога, коробейнички!»
– Путь-дороженька, стрелец! –
«Что ты смотришь?» – Не прохаживал
Ты, как давеча в Трубе
Про дорогу я расспрашивал? –
«Нет, почудилось тебе.
Трои сутки не был дома я,
Жить ли дома леснику?»
«А кажись, лицо знакомое», –
Шепчет Ванька старику.
«Что вы шепчетесь?» – Да каемся,
Лучше б нам горой идти.
Так ли, малый, пробираемся
В Кострому? – «Нам по пути,
Я из Шуньи²⁷». – А далёко ли
До деревни до твоей? –
«Верст двенадцать. А по многу ли
Поделили барышей?»
– Коли знать всю правду хочется,
Весь товар несем назад. –
Лесничок как расхохочется!
«Ты, я вижу, прокурат²⁸!
Кабы весь, небось не скоро бы
Шел ты, старый воробей!»
И лесник приподнял коробы
На плечах у торгашей.
«Ой! легохоньки коробушки,
Всё повыпродали, знать?
Наклевались воробушки,

²⁷ *Я из Шуньи...* – Имеется в виду село Шунга (по-народному – Шунья) в окрестностях костромских охот Некрасова.

²⁸ *Ты, я вижу, прокурат!* – *Прокурат* – шутник, обманщик, притворщик.

Полетели отдыхать!»
– Что, дойдем в село до ноченьки? –
«Надо, парень, добрести,
Сам устал я, нету моченьки –
Тяжело ружье нести.
Наше дело подневольное,
День и ночь броди в лесу».
И с плеча ружье двуствольное
Снял – и держит на весу.
«Эх вы, стволики-голубчики!
Больно вы уж тяжелы».
Покосились наши купчики
На тяжелые стволы:
Сколько ниток понамотано!
В палец щели у замков.
– Неужели, парень, бьет оно? –
«Бьет на семьдесят шагов».
Деревенский, видно, плотничек
Строил ложу – тяп да ляп²⁹!
Да и сам христов охотничек
Ростом мал и с виду слаб.
Выше пояса замочена
Одежонка лесника,
Борода густая склочена,
Лычко вместо пояска.
А туда же, пес в ошейнике,
По прозванию Упырь.
Посмеялись коробейники:
«Эх ты, горе-богатырь!..»

Час идут, другой. – Далёко ли? –
«Близко». – Что ты? – «У реки
Куропаточки закокали».
И детина взвел курки.
«Ай курочки! важно щелкнули,
Хоть медведя уложу!
Что вы, други, приумолкнули?
Запоем для куражу!»

Коробейникам не пелосся:
Уж темнели небеса,
Над болотом засинелася,
Понависнула роса.
– День-деньской и так умелешся,
Сам бы лучше ты запел...

²⁹ *Деревенский, видно, плотничек Строил ложу – тяп да ляп!* – Сын Гаврилы Яковлевича рассказывал: «Был у нас мужичонка такой, хитрый, негодный, Давыд Петров, из Сухорукова, вот он и убил коробейников, ограбил, с них и разжился, кабак имел, под конец Господь его покарал: ослеп под старость. Тятенька и ружье-то, из которого Давыд застрелил коробейников, делал».

Что ты?... эй! в кого ты целишься? –
«Так, я пробую прицел...»

Дождик, что ли, собирается,
Ходят по небу бычки³⁰,
Вечер пуще надвигается,
Прытче идут мужички.
Пес бежит сторонкой, нюхает,
Поминутно слышит дичь.
Чу! как ухалица³¹ ухает,
Чу! ребенком стонет сын.
Поглядел старик украдкою:
Парня словно дрожь берет.
– Аль спознался с лихорадкою? –
«Да уж три недели бьет –
Полечи!» – А сам прищурился,
Словно в Ваньку норовит.
Старый Тихоныч нахмурился:
– Что за шутки! – говорит. –
Чем шутить такие шуточки,
Лучше песни петь и впрямь.
Погодите полминуточки –
Затяну лихую вам!
Знал я старца еле зрячего,
Он весь век с сумой ходил
И про странника бродячего
Песню длинную сложил.
Ней от старости, ней с голоду
Он в канавке кончил век,
А жывал богато смолоду,
Был хороший человек,
Вспоминают обыватели.
Да его попутал Бог:
По ошибке заседатели
Упекли его в острог:
Нужно было из Спиридова
Вызвать Тита Кузьмича,
Описались – из Давыдова
Взяли Титушку-ткача!
Ждет сердечный: «Завтра, нонче ли
Ворочусь на вольный свет?»
Наконец и дело кончили,
А ему решенья нет.
«Эй, хозяйка! нету моченьки,
Ты иди к судьям опять!
Изойдут слезами оченьки,

³⁰ *Бычки* – небольшие отрывочные тучки (Яросл. губ.).

³¹ *Ухалица* – филин-пугач (grand-duc).

Как полотна буду ткать?»
Да не то у Степанидушки
Завелось на уме:
С той поры ее у Титушки
Не видали уж в тюрьме.
Захворала ли, покинула –
Тит не ведал ничего.
Лет двенадцать этак минуло –
Призывают в суд его
Пред зеркалом, в облачении³²
Молодой судья сидел.
Прочитал ему решение,
Расписаться повелел
И на все четыре стороны
Отпустил – ступай к жене!
«А за что вы, черны вороны,
Очи выклевали мне?»
Тут и сам судья покаялся:
– Ты прости, прости любя!
Вправду ты задаром маялся,
Позабыли про тебя!

Тит – домой. Поля не ораны,
Дом растаскан на клочки,
Продала косули, бороны,
И одёжу, и станки,
С баринком слюбилась женушка,
Убежала в Кострому.
Тут родимая сторонущка
Опостылела ему.
Плюнул! Долго не разгадывал,
Без дороги в путь пошел.
Шел – да песню эту складывал,
Сам с собою речи вел.
И говаривал старинушка:
«Вся-то песня – два словца.
А запой ее, детинушка,
Не дотянешь до конца!
Эту песенку мудреную
Тот до слова допоеет,
Кто всю землю, Русь крещеную,
Из конца в конец пройдет».
Сам ее Христов угодничек
Не допел – спит вечным сном.
Ну! подтягивай, охотничек!
Да иди ты передом!

³² *Пред зеркалом, в облачении...* – *Зерцало* – эмблема правосудия, устанавливавшаяся в дореволюционной России в присутственных местах, в виде увенчанной двуглавым орлом трехгранной призмы с наклеенными на гранях указами Петра Великого о соблюдении законности.

Песня убогого странника

Я лугами иду – ветер свищет в лугах:
Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!

Я лесами иду – звери воют в лесах:
Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!

Я хлебами иду: что вы тощи, хлеба?
С холоду, странничек, с холоду,
С холоду, родименькой, с холоду!

Я стадами иду: что скотинка слаба?
С голоду, странничек, с голоду,
С голоду, родименькой, с голоду!

Я в деревню: мужик! ты тепло ли живешь?
Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!

Я в другую: мужик! хорошо ли ешь, пьешь?
Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!

Уж я в третью: мужик! что ты бабу бьешь?
С холоду, странничек, с холоду,
С холоду, родименькой, с холоду!

Я в четверту: мужик! что в кабак ты идешь?
С голоду, странничек, с голоду,
С голоду, родименькой, с голоду!

Я опять во луга – ветер свищет в лугах:
Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!

Я опять во леса – звери воют в лесах:
Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!

Я опять во хлеба, –
Я опять во стада, –
и т. д.

Пел старик, а сам поглядывал:
Поминутно лесничок
То к плечу ружье прикладывал,
То потрогивал курок.
На беду, ни с кем не встретишься!
– Полно петь... Эй, молодец!
Что отстал?... В кого ты метишься?
Что ты делаешь, подлец! –
«Труссы, труссы вы великие!» –
И лесник захохотал
(А глаза такие дикие!).
– Стыдно! – Тихоныч сказал. –
Как не грех тебе захожего
Человека так пугать?
А еще хотел я дешево
Миткалю тебе продать! –
Молодец не унимается,
Штуки делает ружьем,
Воем, лаем отзывается
Хохот глупого кругом.
– Эй! уймись! Чего дурачишься? –
Молвил Ванька. – Я молчу,
А заеду, так наплачешься,
Разом скулы сворочу!
Коли ты уж с нами встретился,
Должен честью проводить. –
А лесник опять наметился.
– Не шути! – «Чаво шутить!»
Коробейники отпрянули,
Бог помилуй – смерть пришла!
Почитай-что разом грянули
Два ружейные ствола.
Без словечка Ванька валится,
С криком падает старик...

В кабаке бурлит, бахвалится
Тем же вечером лесник:
«Пейте, пейте, православные!
Я, ребятушки, богат;
Два бекаса нынче славные
Мне попали под заряд!
Много серебра и золотца,
Много всякого добра
Бог послал!» Глядят, у молодца
Точно – куча серебра.
Подзадорили детинушку –
Он почти всю правду бух!
На беду его – скотинушку
Тем болотом гнал пастух:
Слышал выстрелы ружейные,
Слышал крики... «Стой! винись!..»

И мирские и питейные
Тотчас власти собрались.
Молодцу скрутили рученьки:
«Ты вяжи меня, вяжи,
Да не тронь мои онученьки!»
– Их-то нам и покажи! –
Поглядели: под онучами
Денег с тысячу рублей –
Серебро, бумажки кучами.
Утром позвали судей,
Судьи тотчас всё довели
(Только денег не нашли!),
Погребенью мертвых предали,
Лесника в острог свезли...